

СОЛДАТ О СОЛДАТЕ

Каждый год, в день великой и дорогой Победы советского народа над фашизмом, я испытываю двоякое чувство. Первое – это чувство безмерной, душевной радости и гордости за наш народ, за славных и мужественных его воинов, сумевших отстоять и защитить честь и независимость Родины, за рабочий класс, неустанно ковавший оружие фронту, за колхозное крестьянство само не доедавшее, но хорошо кормившее такую большую армию, за руководящую и направляющую силу партии коммунистов.

И другое чувство – чувство великой и тяжелой скорби к павшим в этой невиданной еще в истории человечестве войне.

Много уже писалось и немало еще будет написано о ней. Она оставила такой глубокий и неизгладимый след в жизни целых поколений людей, что заслуживает это.

Все наилучшим образом познается в сравнениях. Одна наша страна заплатила за победу двенадцатью миллионами жизней своих лучших сыновей и дочерей. Так вот, если каждой могиле павшего в войне, отвести два метра, а расстояние между ними сделать в один метр, то кладбище погибших только в нашей стране опояшет планету Земля по экватору в полтора раза, а павших во всем мире – четыре раза.

Доноры только нашей страны сдали за период войны на медицинские пункты для нужд фронта один миллион семьсот тысяч литров крови. Если эту кровь разлить по 18-тонным цистернам, то их будет 94, что составляет два железнодорожных состава по 47 цистерн в каждом.

А кто, когда и какой меры измерит пролитую нашим народом кровь на полях сражений, слезы, выплаканные им, тяжести горя, перенесенные на его плечах?

Фашизм должен быть полной мерой ответить за муки и страдания, за разрушенные города и села, за поруганную нашу землю, за десятки миллионов убитых, раненых, искалеченных и обездоленных, за все его тяжкие преступления перед всем человечеством!

Судебное разбирательство и предъявление иска фашизму за его злодеяние в нашей стране начались задолго до Нюрнбергского процесса. Участвовали в этом необычном процессе по существу две стороны – судья – советский солдат и обвиняемый – фашизм.

Счет фашизму предъявлялся поэтапно: на отступах к Москве и у стен Сталинграда, на Кавказе и Орловско-Курской дуге, в Крыму и на Украине, у Ленинграда и в Прибалтики, в Варшаве и Будапеште, на Висле и Одере, в Берлине и Праге.

Непосредственным участником многих этих процессов – сражений Советской Армии с фашизмом, довелось и мне быть. Особенно запомнился и хорошо отразился в памяти штурм и взятие твердыне пруссачества – города и крепости Кенигсберга. Если бы в то время можно было попасть в библейский ад, то он показался бы истинным раем.

Это было что-то невиданно-страшно и неопишемое: море огня и дыма, бесконечная канонада орудий, непрерывные залпы «катюш» разных калибров, свист пуль и снарядов, взрывы бомб и гранат, грохот рушащихся стен домов, лязг и скрежет металла, страшный, нарастающий гул танков и самолетов, сплошная пороховая гарь, стоны и нечеловеческие крики, зовы о помощи, тысячи немецких трупов и наших солдат, бесчисленные проклятия в адрес бесноватого Фюрера, и часто повторяющихся в одиночку и хором уже не «хайль Гитлер!» «Гитлер капут!». И еще лились реки человеческой крови видимо, больше чем пива в баварских пивных в момент и зарождения фашистских головорезов.

Прифронтовые дороги были забиты нашей военной техникой и новым резервом, который выступал в бой с хода, немедленно.

Порой чудилось, что сама земля вражья не выдерживает силы и натеска советских войск, стонет и плачет, умоляет о пощаде.

По обочинам дорог тянулись к нескончаемой вереницы понурых и унылых военнопленных, и гражданских лиц, покидавших поврежденные, охваченные пожаром войны город.

На подступах к Кенигсбергу сложил свою голову самый молодой из командующих фронтами, одаренными полководец, дважды Герой Советского Союза, генерал армии Черняховский И.Д.

За победу отдавал свою жизнь не только солдат, но и генерал, идущий в бой вместе с ним.

Шли последние недели, а на некоторых участках фронта и последние дни войны.

Булатный карающий меч могучей России, выкованный в октябре 1917 года мозолистыми руками Его Величества рабочего класса по замыслам, расчетам и чертежам мудрой партии большевиков, уже был высоко поднят, и не было в мире силы такой, которой помешала бы опустить его на голову коричневого чудовища.

По своим родным, близким и просто знакомым хорошо помню, как многие в послевоенные годы все еще ожидали тебя, солдат. Они не верили в похоронки и рассказы очевидцев твоей героической гибели, они все жили надеждой, что ты жив, что ты просто затерялся где-то в лабиринтах войны и рано или поздно вернешься домой, обязательно вернешься.

Ждали тебя натруженные руки твоей матери, чтобы неповторимо ласково обнять тебя, ждала тебя верная, истосковавшаяся по тебе, заметно осунувшаяся и постаревшая, но по-прежнему милая и верная, сохранившая к тебе свою горячую любовь, жена, ждали тебя дети, чтобы в неистовом прыжке, распираемые счастьем и радостью, броситься тебе на шею и закричать не своим голосом на весь мир: «Мой папка вернулся!».

Как часто твоя старая мать бессонными ночами принимала неведомые ночные шорохи, скрип калитки и шумы ветра за твои шаги. Она тихонько подходила к двери, чтобы быстрее открыть ее тебе, подолгу всматривалась через окно тьму ночи..., а ты все не шел и не шел. Да и как мог прийти ты, погибший.

А тут появился и твой внук, который спросит твоего сына: «А где мой дедушка?». Он постарается растолковать ему, что нет у него дедушки, что погиб он на войне. Внук вновь будет наступать: «А почему погиб мой дедушка?». Он ничего не знал о войне и знать не хотел, а лишь требовал деда на правах личной собственности, так как ему нужен был он для того, чтобы, постигать непростые жесткие мудрости, играть с ним в незатейливые детские игры, рассказывать ему были и небылицы о войне, ходить гулять с ним, жалеть наказывать его, чтоб в школе выступал и рассказывал о войне только его дедушка, чтобы с толком, доходчиво отвечал он на его бесконечные «почему».

Так и не дождался внук своего деда – солдата, которого проглотила пучина войны в свою ненасытную утробу.

Сейчас уже вырос и твой внук. В дни Победы навсегда достает из шкатулки дорогою семейную реликвию и память о тебе, солдат, -- орден Отечественной войны, которым ты был награжден посмертно. Возьмет в руки орден, начищенный до блеска, отливающий серебром и золотом, и начнет неторопливый рассказ о своем деде своим маленьким детям.

Вскоре после войны ты, солдат, начал появляться в родных местах в бронзе и бетоне, в мемориальных—святых боевой славы, в памятниках и обелисках, в могилах известных и неизвестных солдат, в названиях улиц и площадей, фабрик и заводов, школ и кораблей.

Если быть откровенным, дорогой читатель, то и я, прежде чем написать эти тяжелые строки воспоминаний о погибшем солдате, немало провел бессонных ночей...

В 1961 судьба забросила меня в Киев. Набирался я там ума-разума. Накануне дня Победы был на встрече с учениками одой из школ города. Так вот там не один вихрастый, рыжий до красноты ученик, с рассыпанными яркими, как маки в поле, веснушками по лицу, задал такой вопрос: «А чи дуже страшно на війни було?».

Поверьте, люди добрые, незнающие, что такое война, мне, солдату: это страшно, это очень страшно.

На днях мой любимый внук (говорят, плохих внуков не бывает) пришел утром ко мне в кровать. Рассматривая и поглаживая солидные рубцы на руке от разрывной пули, задал мне такую задачу: «Деда, а почему ты пошел на війну, когда там вороги були еще не

убиты?». Что мог ответить я несмышленишу?. Погладил его по голове, прижал к себе, проглотил застрявший в горле ком, молчал, и слезы помимо моей воли брызнули из глаз. Он заметил это и шепотом добавил: «Деда, а чего ты плачешь? Я же пошутил».

Не могу не привести еще и другие подлинные факты, которые мне известны, которые я пережил.

В Конзаводе № 157 Ростовской области около 40 лет прожили после окончания войны Горохов Кондрат Макарович и Нечет Мария Тимофеевна. Первый потерял на войне единственного сына, Ивана, с которым мне довелось вместе быть на фронте. Мы договорились с о том, что, если кто из нас останется в живых, тот обязательно посетит наших родителей. После войны, бывая в Конзаводе, я несколько раз пытался зайти к его отцу, но каждый раз, не дойдя до его дома, поворачивал назад, так как знал, как тяжело он переносит утрату сына и боялся усилить ему эту боль. Его сын был награжден двумя орденами, медалями.

У Нечет Марии Тимофеевны были два сына были на войне. Оба вернулись домой, но старший, Иван, сильно искалеченный войной, а младший, Николай, потерял ногу уже в мирное время.

Кто из них перенес больше горя, вялил слез? Об этом никто вам и никогда не скажет.

Там же, на хуторе Заполосном, жила моя сестра Носивцова Прасковья Александровна, потерявшая в первые дни войны своего мужа Семена. Она воспитала одна, совершенно безграмотная 2-х сыновей. Старший из них, Александр, награжден орденами Трудовой Славы 2 и 3 степени.

Перед смертью в 1981 году она мне сказала: «Федя, ты самый грамотный у нас. Скажи, а Семен может ещё прийти домой?» Она ждала его, погибшего, ровно 40 лет.

Мои однокашники, братья Григорий и Даниил Шоколовы, погибли на войне. Их награды, в том числе и орден Отечественной войны, хранятся в Музее школы, где они учились.

В период работы по увековечиванию памяти погибших учеников и учителей школы мне довелось встретиться в 1983 году с матерью-старухой одного из них.

Она со всех сил бросилась ко мне и так крепко и нежно обняла меня, как сделать это может только мать. Она вся содрогалась и не плакала, а рыдала, произнося тихо-тихо имя своего погибшего сына. В моем горле намертво застрял ком, начался приступ стенокардии, и я ничем и никак не мог её утешить...

За 40 лет после окончания Великой Отечественной выросло уже не одно поколение людей, не знающих войны. А оставшиеся в живых ветераны продолжают просыпаться глубокой ночью от ноющих ран, сердечных приступов, острой стенокардии и невиданных ужасов, которые до сих пор они видят во сне.

Высокие награды Родины продолжают искать и находят своих хозяев-солдат, совершивших беспримерный подвиг. Только теперь они их находят одних – живых, других – павшими, а третьих – умершими от ран, старости и болезней.

Автору этих строк второй орден Отечественной войны был вручен лишь в 1981 году. Награжден же он им был в 1944-ом.

Пройдут еще годы, десятки лет, века, и благодарное человечество воздвигнет еще не один Памятник-Мемориал, напишет, споет и проплачет не одну оду по тебе, мой брат, мужественный и храбрый Солдат.

Ты будешь жить в граните, металле, бетоне и в памяти народной вечно.

Прошел уже не один десяток лет со дня окончания Великой Отечественной Войны, а ты, Солдат, по-прежнему, как наяву, видишься идущим в атаку, до одури палящим из орудия по врагу, с грудью, прошитой пулеметной очередью, неподвижно висающим на проволочном заграждении и истекающим кровью...

Ты всю жизнь незримо идешь со мною рядом, я чувствую тяжелое уставшее от непомерной тяжести войны дыхание, запах насквозь пропитанного потом и солью твоего

тела. Я часто вижу тебя во сне. Я часто вижу тебя во сне. Я и умру, видимо, с думой о тебе, Солдат.

В день 40-летия славной и дорогой сердцу каждого советского человека Победы над фашизмом мы, ветераны войны, от солдата до маршала, склоняем в скорбном молчании свои изрядно уже побелевшие головы перед памятью павших и их прахом.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ВАМ, ГЕРОИ!

Бывший солдат пехоты, участник
войн с Германией и Японией,
кавалер 18 орденов и медалей,
инвалид Отечественной войны Ф.
Кириченко

Май 1985 год
г. Ставрополь